

Геляхова Т.М.
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик
E-mail: gelyahova@list.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭМЫ К. КУЛИЕВА «ПЕРЕВАЛ»

Аннотация. В данной статье дан лингвистический анализ широко известной поэмы К. Кулиева «Перевал». Представлена тематическая классификация ее субстантивной нарицательной лексики, выявлены и описаны ономастический лексикон, релевантные для синтаксиса поэтического текста различные типы синтаксических конструкций и их функционально-семантический потенциал; определены основные лингвокогнитивные характеристики, присущие главному персонажу поэмы.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, поэзия, поэма, лингвостилистические особенности.

Gelyahova T.M.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M Berbekov
Nalchik
E-mail: gelyahova@list.ru

LINGUISTIC FEATURES OF THE POEM BY K. KULIEV «THE PASS»

Abstract. In this article, the well-known poem of K. Kuliev “The Pass” is subjected to linguistic analysis. A thematic classification of its substantive nominal vocabulary is presented. Its onomastic lexicon has been identified and described. The main cognitive characteristics inherent in the main character of the poem are defined; some issues relevant to the syntax of the poetic text are considered, in particular, various types of syntactic constructions and their functional-semantic potential.

Key words: Karachay-Balkar language, poetry, poem, linguistic features.

Жанру поэмы в карачаево-балкарской филологической науке уделяется достаточно большое внимание. Так, Ф.Т. Узденовой рассмотрены основные тенденции развития балкарской поэмы. При этом ею отмечено, что «балкарская поэма на современном этапе стремится выработать критерии и средства познания, лирического синтеза и психологического анализа, раскрывая

сложную «диалектику души» лирического героя в тесной связи с окружающей действительностью» [16, с. 68]. В некоторых работах актуализируются особенности поэтики данного жанра в творчестве отдельных мастеров слова [19]. Отмеченное сопряжено и с творческим наследием всемирно известного балкарского поэта К.Ш. Кулиева. Литературоведами предпринята и успешная попытка скрупулезно рассмотреть апперцептивную специфику его образного мышления, в том числе и с опорой на материал поэм [3].

Однако особенности языка и стиля карачаево-балкарских поэм, в том числе и произведений К.Ш. Кулиева, все еще остаются вне поля зрения лингвистов. Исключение составляют некоторые монографические исследования [4] и научные статьи [13] ряда языковедов. В связи с этим в данной работе нами предпринимается попытка всесторонне рассмотреть лингвистические особенности широко известной поэмы Кулиева «Перевал».

Произведение «Перевал» богато лексическими образными средствами, к которым относится и сравнение. Данное понятие в работах, посвященных стилистике, интерпретируется как «сопоставление одного предмета с другим с целью художественного описания первого» [10, с. 141]. Для поэмы, привлеченной к анализу, актуальны морфологические (аффикс *-ча*) и лексические маркеры сравнения (послелог *кибик*). Примеры: *Элни къайгъысы ауурду, къарча!* [15, с. 521] «Тяготы села тяжелы, как снег!»; *Ол къысха жол кёплеге да алай // Узун болгъанды, ёмюрле кибик* [15, с. 520] «Этот короткий путь для многих таким // Длинным был, как века». Наряду с субстантивами данные манифестанты компаратива принимают местоименные и глагольные слова в различных грамматических формах: *Жыгъылып кетеди, тийгенча окъ* [15, с. 525] «Падает, как будто пуля попала»; *Къыйын кёпюрледен аныча ёт* [15, с. 529] «Трудные мосты пройди, как он»; *Хар кимни кюню кесича батар* [15, с. 531] «День каждого по-своему закатится». Кроме приведенных в качестве примеров простых сравнений, в поэме Кайсын Кулиев использует

сравнительные обороты с именами с адъективной семантикой: *Кеси, уруш кюнледеча, къайгы этди* [15, с. 523] «Сам, как в дни войны, встревожился».

Наибольшими функционально-семантическими возможностями отмечены сравнительные конструкции, выраженные причастными оборотами различных временных форм и выполняющие функции развернутых обстоятельств образа действия: *Къар жауа, къыяма кюн жаугъанча* [15, с. 521] «Снег идет, падает как в день светопрествления»; *Балам, мен аллында баргъан кибик, // Адамны жолун кёп басады къар* [15, с. 527] «Дитя мое, как будто я иду перед тобой, // Путь человека часто засыпает снегом». В ряде случаев имеет место употребление в предложении нескольких сравнительных оборотов: *Айланады [боран] ауушну башында, // Минг-минг ач бёрюле улугъанча, // Аз таулунуму жыкъгъанды мында, // Уруп-уруп, элия ургъанча* [15, с.524] «Ходит [буран] наверху перевала, // Словно тысячи-тысячи воющих волков, // Разве мало горцев он здесь свалил, // Словно молния, ударив».

В тексте рассматриваемой поэмы представлен и целый ряд антропонимов. Они в целом имеют арабо-персидское происхождение, характеризуются значительными экспрессивными возможностями и «несут в себе скрытое символическое значение» [10, с. 220]. Особого внимания в этом отношении заслуживает личное имя *Азрет*, которое носителями карачаево-балкарского языка воспринимается в значении «святой». Употребление этого имени в данном произведении нельзя считать случайным, поскольку главный его персонаж с указанным именем отдает свою жизнь ради спасения роженицы и ребенка. Антропоним *Азрет* является ядерным компонентом группы лексем, обозначающих собственные имена в рассматриваемой поэме. В ее тексте представлен целый ряд когнитивных характеристик, релевантных для героя поэмы, на что обращается внимание в работах, посвященных анализу различного рода концептов [1; 2; 5; 6]:

1. **Азрет – врач:** *Жаш врач Азрет тебрейди* [15, с. 521] «Молодой врач Азрет собирается [в дорогу]».

2. **Азрет – совестливый человек:** – *Угъай, Омар, къалалмам бармайын, // Бармасам, уялырма жеримден* [15, с. 522] «– Нет, Умар, не смогу не пойти, // Если не пойду, будет стыдно перед землей моей».

3. **Азрет – храбрый горец:** *Мен, таулу, ауушдан ауулмайын, // Къоркъсам, не намыс къаллыкъды менде?* [15, с. 522] «Я, горец, не смогши одолеть перевал, // Испугаюсь если, какое достоинство останется у меня?».

4. **Азрет – человек долга:** *Кишиге къайгъырмау ауурлугъу // Басхандан эсе уа жюрегимден, // Къаяны ташы, душманны огъу // Жоюп, кёмсюнле суюген жериме!* [15, с. 522] «Чем тяжесть безразличия // Придавит сердце мое, // Камень утеса, пуля врага // Меня пусть вгонят в землю родную!».

5. **Азрет – продолжатель героических традиций предков:** *Азрет жыйып эрлигин, эсин, // Аууш бла ауаргъа деп кетди. // Кетди, аны атасы фронтха кетгенича* [15, с. 523] «Собрав мужество свое и мысли, Азрет // Ушел осилить перевал. // Ушел, как ушел на фронт его отец».

6. **Азрет – любящий сын:** *Кеч манга, анам! Сени къыйнаргъа // Угъай, ыразы этерге суюдюм* [15, с. 532] «Прости меня, мама! Тебе не боль причинить // Хотел, а мечтал о том, чтобы ты была довольна».

7. **Азрет – человек чистой души:** *Ниетим, тауда къарлай, тазады* [15, с. 523] «Мысли мои чисты, как снег в горах».

Антропоним *Зарий* коррелирует с именем *Зарият* и имеет значение «золотая» [9, с. 144]. Автор не случайно выбрал его: имя символизирует мягкость, деликатность героини «Перевала». Рассмотрим некоторые базовые когнитивные характеристики, релевантные для *Зарий*:

1. **Зарий – мать, которая ставит выше отвагу, мужество, честь, чем благополучие собственного ребенка:** *Ол, жашы бетсиз, къоркъакъ болгъанын // Кёргенден эсе, аны ёлюсюн // Кёрюрге хазыр эди. Таулань // Аллай аналарыны кёбюсюн // Кёре келгенбиз. Зарий аладан // Бириди* [15, с. 523] «Она, сына бессовестным, трусливым // Чем видеть, его труп // Готова была зреть. Гор // Таких матерей многих // Мы видели. Зарий одна из них».

2. **Зарий – вдохновитель сына:** *Жашына кёл этдирди, къаядан // Ауур болса да аны къайгъысы* [15, с. 523] «Сына вдохновила, горы // Тяжелее хоть была ее тревога».

3. **Зарий – источник тепла для сына:** *Мени жюрегим жылытыр, // Къаргъа, боранга юшютдюрмейин* [15, с. 525] «Мое сердце согреет, // Не дав замерзнуть от снега, бурана».

4. **Зарий – источник света для сына:** *Жарлы жюрегим жарытыр // Кечги жолунгу. Бар* [15, с. 525] «Мое бедное сердце осветит // Твою ночную дорогу. Иди».

Отец Азрета в поэме представлен под именем *Алим* «знающий, ученый» [8, с. 79]. Кредо данного персонажа – отдать жизнь во имя человека: *Бар, къоркъма, балам! Мен да адамла // Ючюн ёлгенме. Къоркъма сен ёлумден!* [15, с. 526] «Иди, не бойся, дитя мое! // Я тоже за людей // Жизнь отдал. Смерти ты не бойся!».

Имя другого персонажа поэмы *Омара*, фельдшера, старшего коллеги Азрета, тоже «говорящее», оно означает «жизненный». Омар входит в круг имен «родственников, ближайших сподвижников пророка, выдающихся деятелей мусульманства» [8, с. 78]. Хотя антропоним используется автором эпизодично, тем не менее Омар представлен в поэме как опытный старец, предостерегающий молодого человека от необдуманного шага: – *Жашлыкъ этме, сабыр бол! – дейди // Къарт фельдшер Омар. – Къарачы къаргъа!* [15, с. 522] «– Не горячись, спокоен будь! – говорит // Старый фельдшер Умар. – Посмотри на снег!».

В имени *Адилгерий*, отца спасенного новорожденного, две семы: *адил* «справедливый», *герий* «сильный, могучий» [9, с. 72]. Первый компонент заимствован из арабского языка, а второй имеет тюркское происхождение. А мать новорожденного в поэме носит имя *Фатимат* «отнятая от материнской груди» [9, с. 155].

Значительным функционально-семантическим потенциалом обладает в поэме и нарицательная субстантивная лексика. Полагаем, что особого внимания в ней заслуживают две основные тематические группы слов. В первую группу нами включены слова, отражающие различные номинации человека, в большей степени со значением родства: *жаш* «сын», *бала* «ребенок», *ана* «мать», *ата* «отец», причем они чаще используются в притяжательной форме, что обусловливается намерением автора выразить чувства между родителями и детьми: *Балам, не уллу киши болгъанса!* [15, с. 526] «Дитя мое, каким большим мужчиной стал ты!»; *Кеч манга, анам!* [15, с. 532] «Прости меня, мама!».

Вторую группу составляют слова, входящее в семантическое поле пространственности с ядерной семьей *аууш* «перевал», на что указывается в специальных лингвистических исследованиях [11]. Другие же слова репрезентируют различные характеристики перевала (рельеф, метеоусловия, природные образования и т.д.): «перевал», *эл* «село», *къар* «снег», *бугъей* «расщелина; трещина в леднике», *къая* «скала», *жол* «дорога», *тау* «гора», *ёр* «подъем, отлогая возвышенность», *буз* «лед», *чыран* «ледник», *курт* «сугроб», *боран* «буран», *сууукъ* «холод», *жел* «ветер», *туман*, *къыш* «зима». Благодаря им автором поэтически конструируется пространственно-временной континуум поэмы, базирующийся на представлениях этноса о зимнем перевале, например: *Жыгъыла, къарны къучакълай, къоба, // Азрет ёрлеп барады ёрге... // Къыйынды жолу. Боран урады* [15, с. 527-528] «Падая, снег обнимая, вставая, // Азрет взбирается ввысь... // Труден путь его. Дует буран».

В произведениях К. Кулиева представлено большое количество устойчивых дескрипций и фразеологических единиц, в том числе и авторских: *бёрюле кибик улугъан желле* «словно волки воющие ветры», *таукел бол* «отваживаться, решаться на что», *жашлыкъ эт* «проявлять легкомыслие, поступать необдуманно», *айыпны ауурлугъун кётюр* «поднимать тяжесть стыда», *жерге кём* «вогнать в землю», *эрликсиз жашау* – *къуу терек* «жизнь

без мужества – высохшее дерево», *боран улуйду* «буран воет», *къар ауур этген баш* «голова, которую отяжелил снег», *кёрмейин аякъ басхан жерин* «не видя, где нога ступает», *къарлы жел толтургъан кёзле* «глаза, наполненные снежным ветром», *бой берме* «не подчиняться», *умут илячини* «надежда сокола», *ёлюмню босагъадан жиберме* «не пускать смерть через порог» и т.п. На структурно-семантическое многообразие подобных сочетаний в языке обращают внимание и карачаево-балкарские фразеологи [17; 18].

Поэма К. Кулиева «Перевал» небезынтересна и с позиций функциональной грамматики. В произведении используется форма негации *на-ма/-ме*, которая, как отмечают исследователи, «у всех глагольных форм имеет в целом самую широкую сферу распространения» [14, с. 62].

В ней наибольшими функционально-семантическими возможностями отмечены отрицательные формы первичных деепричастий на *-й* типа *жеталмай* «не смогли дойти», *кёралмай* «не смогли увидеть», *къутулалмай* «не смогли освободиться» и т.д. Однако в отличие от многих поэтов и писателей Кайсын Кулиев часто употребляет подобные деепричастные формы глагола с аффиксом *-ын/-ин*: *бармайын* «не идя», *ауалмайын* «не смогли перевалить», *юшютдюрмейин* «не дав заморозиться», *бермейин* «не отдав» и др. Такие глагольные формы обычно не рассматриваются в грамматических исследованиях, хотя широко используются в разговорной речи.

Отметим также, что повествовательный план поэмы предваряется рядом номинативных конструкций с пространственным значением *Таула. Аууш. Къар. Терен бугъейле. // Къаяла къарайдыла алагъа* [15, с. 520] «Горы. Перевал. Снег. Глубокие ледниковые расщелины. // Горы смотрят на них», с помощью которых поэт объективирует суровые зимние условия гор, которые необходимо преодолеть главному герою для выполнения своего врачебного и человеческого долга. Подобные номинативные ряды встречаются и в других частях произведения: *Мында уа – къарла, // Жалан да – къарла. Сууукъ. Боранла* [15, с. 528] «А здесь – снега, // Только – снега. Холод. Бураны».

А такие вокативные конструкции, как *Къатынла, анала! // Биз сизни не къадар жилиятабыз!* [15, с. 523] «Женщины, матери! // Сколько раз мы заставили вас плакать!»; *Балам! Ёлюм жетди! Къоркъма, кёл эт!* [15, с. 530] «Дитя мое! Смерть настигает! Не бойся, крепись!»; *Анам! Мен ёлюрге суймей эдим* [15, с. 532] «Мама! Не хотел я умирать», которые выражены субстантивными лексемами, репрезентируют и предикативное значение. В целом они характеризуются релятивной семантикой и выражают мольбу, просьбу и т.д. Эти функционально-стилистические возможности подобных синтаксических единиц отмечены и в работах, посвященных проблемам функционирования вокативных конструкций в карачаево-балкарском языке [12].

Следует также отметить то, что представленные выше вокативы используются и в императивных конструкциях, трансформируясь при этом в собственно обращения, занимающие различные позиции в предложении: *Бар, балам!* [15, с. 524] «Иди, дитя мое!»; *Алай, балам, ёрле!* [15, 527] «Но, дитя мое, взбирайся!»; *Балам, бар, ёрле!* [15, с. 527] «Дитя мое, иди, взбирайся!».

Поэма «Перевал» изобилует императивными конструкциями в диалогической речи: – *Жашлыкъ этме да, сабыр бол!* – дейди къарт фельдшер Омар [15, с. 522]; – Не горячись, успокойся! – говорит старый фельдшер Умар; – *Бар!* – деди анасы Азретге [15, с. 522]; – Иди! – сказала мать Азрету. Исследуя такого рода императивные высказывания, лингвисты пишут о реализации в них таких частных семантических интерпретаций, как приказ, просьба, требование, совет, распоряжение, поручение, разрешение, согласие, предложение, мольба и т.д. [7, с. 55-76]. Однако в поэме значение императива в подобных конструкциях уходит на второй план, уступая семантике поддержки, что достигается посредством контекста, а также тем, что побудительные в формальном отношении высказывания произносятся родителями главного героя произведения, которые незримо способствуют достижению поставленной главным персонажем цели: *Къоркъма! Мени жюрегим жылытыр* [15, с. 525];

«Не бойся! Мое сердце согреет»; *Къоркъма сен. Ёрле! // Къыйын кюнде букъгъанла, ашыгъын, // Эрлигинги сынамай, ёлюрле!* [15, с. 527]; «Не бойся ты. Взбирайся! // В трудный день спрятавшиеся, спеша, // Не испытай твоё мужество, умрут!».

Текст рассматриваемой поэмы характеризуется и интертекстуальностью. Так, например, можно говорить о мастерском вплетении в ткань произведения элементов традиционной карачаево-балкарской песни-плача (*сарнау, сарын*). Причем они автором используются в качестве синтаксических средств экспрессии речи. Эти элементы представляют собой риторические вопросы и восклицания. Они гендерно маркированы, репрезентируют высокую степень напряженности чувств, связанных с трагической гибелью главного героя. Ср.: *Къатынла: - Къыхы ауушдан аууп // Келгенлей, анга ёлюм жолукъду! // Нек кирди ол къыяма жерине? / Жарлы юйюне нек къан жаудурду? // Кезиусюз нек кирип кетди кёрге? // Юйюню чигинжисин аудурду!* [15, с. 531]; «Женщины: - Через зимний перевал, когда // переходил, ему встретилась смерть! // Зачем он зашел в это место адское? // Зачем горе навлек в свой бедный дом? // Зачем безвременно в могилу зашел? // Повалил опору дома своего!». Такого рода конструкций достаточно много в произведении, что детерминируется его содержанием и идейно-тематической направленностью, так как поэма представляет собой гимн героизму и человеческому долгу. С другой стороны, налицо выражение интерперсональных чувств героев: *Мен да адамла ючюннге ёлдум // Ёлюрге керек болгъан кюнюмде!* [15, с. 527]; «Я тоже умер за людей // Когда суждено мне было умереть»; *Къыйынды тас этген эрин, жашын!* [15, с. 527] «Тяжело терять мужа, сына!».

В рамках данной работы можно говорить и об использовании поэтом трансформированных паремических интертекстом, отражающих жизненную философию карачаево-балкарского этноса: *Элни къайгъысы ауурду* «Думы села тяжелы»; *Жашау бурунладан алай келе!* «Так издавна жизнь идет!»; *Суугъа, суугъа кетген таш къармар* «В воду, воду упавший камни обшаривает»; *Не*

къоркъакъ да ёлмегенлей къалмаз «Любой трус тоже обязательно умрет»; Ёлюм алып кетеди «Смерть уносит с собой».

Как явствует из проанализированного выше эмпирического материала, поэма К. Кулиева «Перевал» представляет собой многогранное лиро-драматическое произведение, характеризующееся разнообразием лингвистических особенностей.

Библиография

1. Ахматова М.А. Концепт «гора» в карачаево-балкарском нартском эпосе // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №2-3. – С. 68.
2. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Семантическое пространство концепта «къан/кровь» в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №6-2 (60). – С. 38-41.
3. Бауаев К.К. Апперцептивная специфика образного мышления К.Ш. Кулиева // Казанская наука. – 2016. – №5. – С. 48-50.
4. Башиева С.К. В оригинале и переводе. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 104 с.
5. Башиева С.К., Кетенчиев М.Б. Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. – 2014. – №10. – P. 37-44.
6. Башиева С.К., Кетенчиев М.Б. Особенности вербальной репрезентации обыденных знаний о небесных телах // Cuadernos de Rusística Española. – 2017. – №13. – С. 181-194.
7. Бичекуева Т.Ю., Кетенчиев М.Б. Парадигма императива в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Книга, 2014. – 156 с.
8. Гаджихмедов Н.Э. Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика. – Махачкала: ООО Дагпресс Медиа, 2008. – 184 с.
9. Гаджихмедов Н.Э., Гусейнов Г.-Р. А.-К. Кумыкские личные имена: происхождение и семантика. Введение в кумыкскую антропонику. – Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2004. – 170 с.
10. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф, 2001. – 448 с.
11. Додуева А.Т. Семантическое поле пространственности в карачаево-балкарском языке // Известия КБГУ. – Том II. – №3. – 2012. – С. 100-101.
12. Кетенчиев М.Б. Проблемы вокативных конструкций в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Сборник статей к 70-летию Ж.М. Гузеева. – Нальчик: Издательский отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2010. – С. 69-74.
13. Кетенчиев М.Б. О лингвостилистических особенностях поэзии Кайсына Кулиева // Творчество Кайсына Кулиева в контексте мировой художественной культуры. Сборник научных статей. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – С. 176-185.
14. Кетенчиев М.Б., Тохаева Ф.И. Парадигма отрицания в карачаево-балкарском языке. – Карачаевск: КЧГУ, 2013. – 157 с.
15. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений в 3-х томах. Том 3. Стихи и поэмы. 1970-1980. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 560 с.

16. Узденова Ф.Т. Современная балкарская поэма: тенденции развития // Вопросы кавказской филологии. – 2009. – №6. – С. 54-69.
17. Хуболов С.М. Конструкции с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами с вспомогательным глаголом эт в карачаево-балкарском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. – 2014. – №4. – С. 525-530.
18. Хуболов С.М. Структура и семантика предложений с предикатами, выраженными фразеологическими единицами с соматизмом кёз (глаз) в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2015. – Т.V. – №4. – С. 58-61.
19. Хульчаева М.Х. Поэтика Керима Отарова (художественные принципы утверждения лирического героя): дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2003. – 182 с.

References

1. Ahmatova M.A. Koncept «gora» v karachaevo-balkarskom nartskom ehpose // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2015. – №2-3. – S. 68.
2. Ahmatova M.A., Ketenchiev M.B. Semanticheskoe prostranstvo koncepta «k'an/krov'» v karachaevo-balkarskom yazyke // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2016. – №6-2 (60). – S. 38-41.
3. Bauaev K.K. Apperceptivnaya specifika obraznogo myshleniya K.SH. Kulieva // *Kazanskaya nauka*. – 2016. – №5. – S. 48-50.
4. Bashieva S.K. V originale i perevode. – Nal'chik: EHI'brus, 1990. – 104 s.
5. Bashieva S.K., Ketenchiev M.B. Koncept «ogon'» kak fragment ehnicheskoj kartiny mira // *Cuadernos de Rusística Española*. – 2014. – №10. – S. 37-44.
6. Bashieva S.K., Ketenchiev M.B. Osobennosti verbal'noj reprezentacii obydenных znaniy o nebesnyh telah // *Cuadernos de Rusística Española*. – 2017. – №13. – S. 181-194.
7. Bichekueva T.YU., Ketenchiev M.B. Paradigma imperativa v karachaevo-balkarskom yazyke. – Nal'chik: Kniga, 2014. – 156 s.
8. Gadzhiahmedov N.EH. Lichnye imena kumykov: tradicii imyanarecheniya, proiskhozhdenie, semantika i grammatika. – Mahachkala: OOO Dagpress Media, 2008. – 184 s.
9. Gadzhiahmedov N.EH., Gusejnov G.-R. A.-K. Kumykskie lichnye imena: proiskhozhdenie i semantika. Vvedenie v kumykskuyu antroponimiku. – Mahachkala: Dagestanskij gosudarstvennyj universitet, 2004. – 170 s.
10. Golub I.B. Stilistika russkogo yazyka. – M.: Rol'f, 2001. – 448 s.
11. Dodueva A.T. Semanticheskoe pole prostranstvennosti v karachaevo-balkarskom yazyke // *Izvestiya KBGU*. – Tom II. – №3. – 2012. – S. 100-101.
12. Ketenchiev M.B. Problemy vokativnyh konstrukcij v karachaevo-balkarskom yazyke // *Aktual'nye voprosy karachaevo-balkarskoj filologii. Sbornik statej k 70-letiyu ZH.M. Guzeeva*. – Nal'chik: Izdatel'skij otdel Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij, 2010. – S. 69-74.
13. Ketenchiev M.B. O lingvostilisticheskikh osobennostyah poehzii Kajsyna Kulieva // *Tvorchestvo Kajsyna Kulieva v kontekste mirovoj hudozhestvennoj kul'tury. Sbornik nauchnyh statej*. – Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2018. – S. 176-185.
14. Ketenchiev M.B., Tohaeva F.I. Paradigma otricaniya v karachaevo-balkarskom yazyke. – Karachaevs: KCHGU, 2013. – 157 s.
15. Kuliev K.SH. Sbranie sochinenij v 3-h tomah. Tom 3. Stihi i poehmy. 1970-1980. – Nal'chik: EHI'brus, 1982. – 560 s.
16. Uzdenova F.T. Sovremennaya balkarskaya poehma: tendencii razvitiya // *Voprosy kavkazskoj filologii*. – 2009. – №6. – S. 54-69.

17. Hubolov S.M. Konstrukcii s predikatami, vyrazhennymi trekhvalentnymi frazeologizmami s vspomogatel'nym glagolom eht v karachaevo-balkarskom yazyke // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – №4. – S. 525-530.

18. Hubolov S.M. Struktura i semantika predlozhenij s predikatami, vyrazhennymi frazeologicheskimi edinicami s somatizmom kyozyz (glazy) v karachaevo-balkarskom yazyke // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – T.V. – №4. – S. 58-61.

19. Hul'chaeva M.H. Poehtika Kerima Otarova (hudozhestvennyye principy utverzhdeniya liricheskogo geroya): diss. ... kand. filol. nauk. – Nal'chik, 2003. – 182 s.